

УДК 343.1(091)

ЕФИМОВА Виктория Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права юридического факультета Петрозаводского государственного университета. Автор 50 научных публикаций, в т. ч. одной монографии и двух учебных пособий

РЕВИЗИЯ СЕНАТОРА А.Д. ГУРЬЕВА В 1830 ГОДУ¹

Сенаторские ревизии всегда вызывают повышенный интерес у исследователей, т. к. считаются самой объективной формой внешнего контроля за деятельностью органов местного управления. За всю историю Российской империи наиболее активно их использовал Александр I, и именно при нем стало возможно различать их по цели. Наиболее распространенным видом senatorской ревизии была общая ревизия, предусматривавшая фронтальную проверку состояния всех местных коронных и выборных государственных учреждений. Другим видом стала ревизия «для взыскания недоимок». В обоих случаях сенаторы имели четкие предписания относительно круга их полномочий благодаря разработанным в 1819 и 1820 году Инструкциям. Третьей разновидностью этой формы контроля была ревизия для так называемых иных следствий. В каждом случае такой ревизии давалась особая инструкция, в которой прописывались ее цели и пределы полномочий сенатора. Таким образом, каждая ревизия для «иных следствий» – уникальна, и уже только в силу этого обстоятельства эти ревизии требуют особого изучения. В данной статье автор исследует ревизию именно такого вида. Установлено, что главной задачей сенатора А.Д. Гурьева было расследование причин конфликта, возникшего в 1830 году между архангельским, вологодским и олонекским генерал-губернатором С.И. Миницким и архангельским губернатором В.С. Филимоновым. Сенатору удалось раскрыть механизм регулярно взимаемых с купцов денежных и натуральных поборов чиновниками из ближайшего окружения генерал-губернатора за право быть подрядчиками Архангельского адмиралтейства. В результате эти чиновники были приговорены к тяжкому уголовному наказанию, а генерал-губернатор уволен со службы.

Ключевые слова: *сенаторская ревизия, ревизия-поручение, ревизия А.Д. Гурьева.*

В первой половине XIX века на Европейском Севере² было проведено не менее 6 senatorских ревизий³. Из них на сегодняшний день внима-

ние исследователей привлекли ревизии, состоявшиеся в Олонецкой и Вологодской губерниях [2, 3]. Таким образом, остались неизученными

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности № 33.1162.2014/К".

²К Европейскому Северу в контексте данной статьи мы относим три губернии – Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую, которые в 1820–1830 годах находились в составе Архангельского, Вологодского и Олонецкого генерал-губернаторства, возглавляемого А.Ф. Клокачевым (умер 2 января 1823 года) и С.И. Миницким.

³Впрочем, первый публикатор хронологического списка senatorских ревизий XIX века И.А. Блинов оговаривал, что он далеко не полный [1, т. 4, с. 504–508].

© Ефимова В.В., 2015

проведенные в 1830–1831 годах сенаторами А.Д. Гурьевым, В.Ф. Мертенсом и А.М. Корниловым две ревизии в Архангельской губернии, хотя упоминания о них имеются еще в дореволюционной литературе [1, т. 3, с. 639–640, 647; 4, с. 119; 5, с. 238]. В данной статье автор рассматривает историю ревизии А.Д. Гурьева. Работа написана на архивных источниках, абсолютное большинство которых впервые вводится в научный оборот.

Сначала обратим внимание на статус данной ревизии. Практика сенаторских ревизий первой трети XIX века выработала три основных их вида: «общая ревизия губернии», для взыскания недоимок и «для иных следствий»⁴. Порядок проведения первых двух видов ревизий регулировался общими инструкциями, изданными в 1819 и 1820 годах, третьего – особыми инструкциями, в каждой из которых четко прописывались основные задачи и пределы полномочий сенатора. Последний вид считался продолжением «старинной системы частных поручений», и в таком случае «на первый план выступало какое-нибудь одно дело, для расследования которого и посылался сенатор, поручение же обозреть присутственные места, так сказать, пристегивалось к случаю» [1, т. 3, с. 619, 628]. Таким образом, каждая такая ревизия-поручение была уникальной.

Причины ревизии. В конце 1829 – начале 1830 года на высшие и центральные органы власти и управления обрушился целый вал доносов, рапортов и жалоб из Архангельской губернии. Так, например, 24 декабря 1829 года жандармский полковник Дейер сообщил своему начальству, что «лучшие из чиновников»

губернии говорят «о г. Шамарине⁵, как о самом бесчестном и развратном человеке» и «что нет способу служить с ним порядочным людям, ибо он совершенно распоряжается действиями Генерал-Губернатора по всем частям управления». Больше же всего злоупотреблений совершается при заготовках всего необходимого для Архангельского адмиралтейства, «но открыть их не только трудно, но почти невозможно, ибо все эти чиновники и подрядчики тесно связаны с Шамариным», а генерал-губернатор «во всех случаях их поддерживает» и «тайны могут быть открыты, если бы кто из этого общества изменил им. <...> Часто в пьяном виде Шамарин хвастал: “если меня потащат в воду, то не один утону, а потоплю и Степана Ивановича, он у меня в руках”. <...> Сие можно услышать, – заключал Дейер, – во всех обществах Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, где между собой порядочные чиновники не называют Шамарина иначе как шельмой»⁶.

В январе 1830 года А.Х. Бенкендорфу была передана из Военного министерства жалоба провиантского комиссионера Норова, в которой тот жаловался, что следствие по его делу «завершено сходно желанию» генерал-губернатора Миницкого и Шамарина и он отдан под суд. Полковник Дейер, собиравший по этой жалобе «сведения», 6 февраля донес, что «настоящей причиной претерпеваемых им гонений есть то, что он купил около 300 четвертей хлеба не у хлебных купцов, состоящих в корыстолобивых отношениях с Шамариным, но у вольных продавцов». Купец Окулов, продавший муку Норову, сделал «будто бы Норову по поручению полицмейстера⁷ предложение заплатить разным

⁴ Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1 (ПСЗ-1). Т. 36. № 27722; Т. 37. № 28080. ПСЗ-2. Т. 5. № 3416.

⁵ РГИА (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 1286. Оп. 4. Д. 475. Л. 16–19. А.А. Шамарин на момент рассматриваемых событий был правителем канцелярии С.И. Миницкого. Состоял в этой должности с 1816 года еще при А.Ф. Клокачеве, который был тогда военным губернатором Архангельской губернии.

⁶ ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. 109. 1 эксп. Оп. 5. Д. 34. Л. 2–3, 28–33. По этой записке А.Х. Бенкендорф просил С.И. Миницкого дать ответ, и 16 февраля 1830 года тот написал, что приписываемые Шамарину «дела и поступки вовсе несправедливы», что никаких злоупотреблений при заключении договоров подрядов в Адмиралтействе нет, что он единолично управляет губерниями, за что и готов дать отчет «пред моим Великим Государем как пред Богом».

⁷ Имеется в виду Ф.И. фон Шене, бывший тогда архангельским полицмейстером.

лицам 1800 рублей, в т. ч. для себя 100 рублей и неизвестной особе (Шамарину) 1500 р.» Когда же Норов отказался, то был отдан под суд⁸.

24 января 1830 года архангельский, вологодский и олонекский генерал-губернатор С.И. Минацкий подал Николаю I рапорт, в котором сообщал, что архангельский губернатор В.С. Филимонов не выполняет его предложения. Далее он подробно перечислил эти случаи. Последним было представлено «ночное происшествие», произошедшее с 18 на 19 января. Накануне, писал генерал-губернатор, губернатор принял от купца Кагнова 12 тыс. р. ассигнациями, а «в 4-м часу за полночь» он привез их в Губернское правление. Затем «без приглашения прочих членов <...>, как бы по случаю Государственной и особой важности заслуживающему», губернатор приказал полицмейстеру Шене доставить туда же купца Кагнова, которого принуждал признаться «в будто бы в подкупе его Губернатора помянутыми деньгами <...>, а Кагнов, испуганный и изумленный таким поступком губернатора, отвечал ему, что он ни о каких деньгах не знает и не понимает, что сам и лично мне при моих чиновниках подтвердил»⁹. Генерал-губернатор продублировал этот рапорт министру внутренних дел, приложив к нему прошение Кагнова «об обиде, нанесенной ему губернатором Филимоновым», и собственное предложение губернскому правлению от 20 января¹⁰.

25 января архангельский губернатор В.С. Филимонов также представил императору, Сенату

и министру внутренних дел рапорты о случившемся. Излагая в них свою версию «ночного происшествия», губернатор писал, что при вступлении его в должность «здешний генерал-губернатор» убеждал его утвердить решение Архангельской уголовной палаты по «делу о противозаконных купцами Грибановыми поставок в Архангельское Адмиралтейство магазины муки»¹¹. Однако, ознакомившись с этим делом, он не согласился, поэтому оно было представлено помимо него в Сенат, который обратил его обратно к нему, сделав замечание генерал-губернатору за то, что он стал судьей в деле, к которому был причастен. После этого «еврей купец Кагнов, по воле генерал-губернатора жительствующий здесь противозаконно», явился к нему «с убеждениями» утвердить приговор и «в поползновении подкупить меня представил мне 12 тыс. руб. ассигнациями». Губернатор предъявил их в Губернское правление, донес о случившемся С.И. Минацкому, а «дело Грибановых» представил в Сенат со своим мнением, в котором оценил решение архангельских судебных мест как пристрастное. Однако, заключал губернатор, «вместо доброго слова, по крайней мере, за умножение сумм Приказа, Генерал-губернатор в защиту еврея дал Губернскому правлению, в подлиннике представляемое предложение»¹², из чего Ваше Императорское Величество усмотреть может, что сердцу Генерал-губернатора ближе еврей подкупающий, чем Губернатор, законно действующий»¹³.

⁸ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 5. Д. 34. Л. 3–5. РГИА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–5.

⁹ГААО (Гос. арх. Арханг. обл.). Ф. 1367. Оп. 1. Д. 331. Л. 186–188.

¹⁰Там же. Л. 173–190. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 5. Д. 34. Л. 10–11.

¹¹ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 331. Л. 21. РГИА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 3. Л. 18. Адмиралтейские чиновники за принятие такой муки по приговору военного суда, подтвержденного в 1828 году Николаем I, были лишены дворянского звания, чинов и наград и разжалованы в солдаты; купец Яков Грибанов и его сын Илья преданы суду гражданских судебных инстанций, а генерал-губернатор как Главный командир Архангельского порта получил строгий выговор «за несообразные распоряжения с долгом начальника», т. к. пытался всякими способами доказать, что мука была доброкачественной.

¹²Имелось в виду приложенное к рапорту царю предложение от 20 января 1830 года, данное генерал-губернатором Архангельскому губернскому правлению.

¹³ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 331. Л. 7–10.

30 января В.С. Филимонов подал министру внутренних дел еще один рапорт, в котором подробно излагал события как предшествовавшие подкупу, так и последовавшие после него. Из рапорта видно, что в круг «злоупотребителей» входили купцы Х. Кагнов и Я. Грибанов, «домоправитель» генерал-губернатора чиновник Иванов и правитель его канцелярии Шамарин; что после того, как он отказался подписать изготовленное в канцелярии генерал-губернатора мнение по «делу Грибановых», «Главное здешнее Управление» «объявило ему войну», и поэтому он, чтобы «выведать все извороты, кажется, не только Архангельска касаемых, и всю черноту продажности правосудия», притворно согласился принять деньги. Благодаря этому он узнал, кто и через кого действовал «по сему и подобным делам в Петербурге». Оказалось, что главным звеном в этой цепочке был Шамарин, который подкупил судей, а после «ночного происшествия» повсюду разглашал, что «во чтобы ни стало, а Грибановы будут правы, ибо он оправдал их, и что он непременно оттолкнет меня от суда». В заключение губернатор писал, что он «готов сносить» свое «нестерпимое положение, ибо уверен, что даже одно пребывание его в Архангельской губернии не бесполезно для службы»¹⁴.

Назначение ревизии и ее ход. Николай I отреагировал на все эти донесения и жалобы рескриптом 10 февраля 1830 года на имя сенатора Гурьева: «Граф Александр Дмитриевич! От архангельского генерал-губернатора вице-адмирала Миницкого и тамошнего гражданского губернатора статского советника Филимонова получены мною донесения о возникших между

ними несогласиях и случившемся там происшествии, которое выходит из всех мер порядка и терпимости. Назначая вас для произведения обо всем том на месте подлежащего исследования, я поручил Министру Внутренних Дел препроводить к вам все относящиеся к сему делу бумаги и независимо от инструкции, которую вы получите, уполномочиваю вас остановить действия генерал-губернатора, есть ли найдете их неправильными, объявив ему повеление отправиться в Санкт-Петербург; есть ли же виновным окажется гражданский губернатор, то отрешив его от должности, и в обоих случаях донести Мне немедленно...»¹⁵.

К рескрипту была приложена составленная в МВД инструкция, которая состояла из 6 параграфов. В § 1 и 2 сенатору предлагалось по прибытии в Архангельск «истребовать немедленно от тамошних генерал-губернатора и гражданского губернатора ответы по всем обстоятельствам, сопровождавшим происшествие о 12 тыс. р., данных губернатору купцом Кагновым», и «подробные объяснения по взаимному между ними несогласиям и представлениям друг на друга о неправильных действиях и беспорядках». Затем, рассмотрев их, сенатор мог требовать у них «дальнейшие по означенным делам» сведения, «какие по существу их возражений представляются нужными; а между тем приступить к производству формального исследования для раскрытия истины» по этим случаям. Особо примечательным с точки зрения полномочий сенатора нам представляется § 3, который гласил: «Если крайняя необходимость понудит давать очные ставки Генерал-губернатору и Гражданскому Губернатору,

---

¹⁴ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 331. Л. 12–21.

¹⁵РГИА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 1. Позволим себе не согласиться с А.И. Блиновым, который, сославшись на С.М. Середонина, сделал в своей работе [5] не совсем точное заключение, написав, что сенаторы «обладали правом отрешения от должности даже высших чинов». К сожалению, этот факт подхватили и другие исследователи. Подчеркнем, необыкновенность полномочий сенатора А.Д. Гурьева состояла в том, что в отличие от § 23 общей сенаторской инструкции 1819 года (согласно ему, сенаторы могли удалять от должностей и предавать суду за вскрытые ими должностные преступления только чиновников, «определяемых Сенатом», а о чиновниках, определяемых «по Высочайшей воле», они могли лишь доносить императору, который и решал, что с ними делать), сенатору Гурьеву было дано право отрешить от должности лишь губернатора, но не генерал-губернатора.

то сенатор уполномочивается употребить и сию меру, хотя бы то распространялось с участием и других прикосновенных в том деле лиц». § 4–6 предписывали сенатору «удаление от должности и предание суду чиновников, в сем деле по следствию могущих обнаружиться виновными», произвести на основании общей сенаторской инструкции, «руководствуясь ею и во всех других случаях»; обратиться особое внимание «на причины, оказываемого Генерал-Губернатором Миницким покровительства еврею Кагнову»; после окончания «возложенного на него поручения» немедленно донести обо всех обстоятельствах государю и возвратиться в Санкт-Петербург. В помощь сенатору командировались от Главного штаба Е.И.В. – флигель-адъютант Бутурлин; от III отделения С.Е.И.В. канцелярии – полковник Дубельт, от Министерства финансов – коллежский асессор Голубев¹⁶.

25 февраля министр внутренних дел А.А. Закревский известил С.И. Миницкого о назначении А.Д. Гурьева¹⁷. С учетом всех найденных документов, но прежде всего – журналов исходящих и входящих бумаг, которые велись при сенаторе с 28 февраля по 21 марта, мы можем по дням установить действия сенатора, но в дан-

ной статье отметим только, что А.Д. Гурьев прибыл в Архангельск 28 февраля. 1 марта он обратился за первыми «объяснениями» к С.И. Миницкому и В.С. Филимонову, а уже 19 марта отправил императору рапорт «о ходе следствия в г. Архангельске», в котором сообщал «о побудительных причинах взять под арест Шамарина, Иванова и устранить от должности Шене¹⁸ и прочем»¹⁹. В его заключении сенатор писал: «Из записки сей и из подробного рассмотрения всей приложенной к оной бумаг ясно усмотреть можно ничтожность обвинений вице-адмирала Миницкого против гражданского губернатора Филимонова»²⁰. 20 марта сенатор приглашает к себе генерал-губернатора для прочтения показаний Кагнова и Иванова и тот дает по ним письменные объяснения. 22 марта состоялась кульминация ревизии. Вот как описывал ее в своем донесении от 3 апреля 1830 года полковник Дейер: сенатор «призвал к себе Шамарина, Иванова и купцов Грибанова и Кагнова для очных ставок, на которых, якобы все сознались, кроме Шамарина, который на чинимые сенатором Гурьевым вопросы давал грубые ответы, почему Гурьев приказал ему выйти вон и более его не требовал. Вслед за сим Гурьев пригласил Миницкого для прочтения ему

¹⁶РГИА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–6; Д. 2. Л. 25–30. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 5. Д. 34. Л. 28–33.

¹⁷ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 748. Л. 1.

¹⁸ГААО. Ф. 68. Оп. 2 (Т. 2). Д. 273. Л. 1–3, 35. По предложению сенатора архангельский полицмейстер был предан 2 апреля 1830 года Губернским правлением суду Архангельской уголовной палаты «по случаю открывшихся сильных подозрений» в получении им от Кагнова (по добровольному признанию Кагнова сенатору. – В. Е.) в разное время денег «из опасения его влияния по жительству Кагнова в Архангельске и занятию им по разным подрядам по городу».

¹⁹РГИА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 6. Л. 21–22. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 5. Д. 12. Л. 15. В т. ч. было донесение о результатах расследования «дела Норова». Сенатор писал, что не может «приступить ни к каким изысканиям», т. к. «военно-судное дело» о нем отправлено в Военное министерство. Впрочем, замечал сенатор, «вникнув в обстоятельства сего дела», показанию Норова о вымогательстве у него взятки «можно дать вероятие», т. к. Норов имеет здесь «сильных недоброжелателей», о чем свидетельствуют «неприличные действия» полицмейстера Шене при описании его имущества. Единственное, что мог сделать сенатор, – это просить ускорить рассмотрение «дела Норова».

²⁰РГИА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 10. Л. 25–34; Д. 11. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 748. Л. 20–26. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 426г. Однако все эти «ничтожные обвинения», которые по ведомости, представленной генерал-губернатором сенатору, насчитывали 24 пункта (!), потребовали по каждому эпизоду специального сенаторского расследования. Например, только один случай – «о назначении частного пристава Воровчикова городничим в Кемь» – отложился в фонде МВД в виде особого дела, заключавшего в себе более сотни листов.

лично какой-то бумаги»²¹. Затем сенатор отдал губернатору распоряжение об отправке в Петербург купца Кагнова и чиновников Шамарина и Иванова, но так, чтобы они «не могли иметь между собой никаких сношений»²². 22 или 23 марта А.Д. Гурьев покинул Архангельск.

29 марта сенатор представил Николаю I итоговый рапорт, в котором сообщал, что «оказался по причинам, значащимся в приложенных к рапорту записке и подлинном следствии, вынужденным объявить генерал-губернатору Миницкому означенную в рескрипте 10 февраля высочайшую волю», что же касается «до лиц, участвовавших в открытых мною злоупотреблениях, как-то: еврей Кагнов, чиновник 9 класса Иванов, управитель домом Генерал-Губернатора, и правитель канцелярии его 7 класса Шамарин, из коих первые два сознались в своих преступлениях, а последний обвинен в лихоимстве, то они отправлены за присмотром и в непродолжительное время будут представлены к Санкт-Петербургскому Военному Губернатору для дальнейших о них повелений Вашего Императорского Величества».

В записке сенатор излагал ход и результаты своего исследования «об обстоятельствах, сопровождавших судное дело купцов Грибановых и о проживании еврея Кагнова в Архангельске». В частности, сенатор отмечал, что С.И. Миницкий неоднократно испрашивал у начальства позволения оставить Кагнова в Архангельске «в противность постановлений о евреях», и полагал, что эти действия «не могли происходить из видов непредосудительных». Оценивая же «ночное происшествие», сенатор полностью принял версию губернатора. Он писал, что полученное по «делу Грибановых» замечание от Сената «не остерегло генерал-губернатора и лиц, имевших на его вредное влияние. К прежней цели своих действий, т. е. оправданию Грибановых, присовокупили они еще новую, положив

вынудить Губернатора денежным обольщением утвердить мнение, Сенатом отвергнутое, и чрез то пред оным оправдать себя, а вместе с тем обеспечить на будущее время незаконные свои дела, заведя тесную сообщническую связь с Гражданским Губернатором. Но покушение, сделанное в сем намерении, оказалось неудачным: 12 тыс. руб., врученные губернатором чрез витебского 1-й гильдии купца еврея Кагнова, были приняты губернатором единственно для обнаружения и изобличения виновных». Когда же губернатор сдал деньги и потребовал признания от купца Кагнова в даче взятки, то он, «отрекшись от сего, прибегнул с жалобами» на него к генерал-губернатору, а тот «вместо того, чтобы действовать по долгу звания своего к раскрытию истины, покровительствуя отрицаниям еврея, старался затмить представлением начальству просьб Кагнова. Казалось, будто бы Губернатор Филимонов нанес Генерал-Губернатору Миницкому личную обиду обнаружением оборотов, сопровождавших дело о Грибановых, ибо он с сего времени восстал на него с разными жалобами по другим делам, о коих до того времени не полагал нужным даже доводить до начальства».

Далее сенатор писал, что прежде всего его действия были направлены на еврея Кагнова, который был взят под арест, а его подряды с казной переданы другим лицам. После этого Кагнов «в полной мере раскрыл все изгибы дела Грибановых и причины усилий и настояний, чтобы позволено было ему оставаться в Архангельске». В частности, он признался, что: 1) после приезда в Архангельск генерал-губернатора Миницкого бесплатно закупал вещи «для обзаведения» его дома; 2) ежегодно платил за право находиться в Архангельске Иванову 2 тыс. и генерал-губернатору Миницкому 6 тыс. р. и сверх того делал иные поставки продуктами и овсом

---

²¹ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 5. Д. 34. Л. 48–50. Несомненно, что это был рескрипт Николая I А.Д. Гурьеву, наделавший его чрезвычайными полномочиями. Также заметим, что сенатор не стал прибегать к мерам, предоставленным ему § 3 инструкции.

²²РГИА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 2. Л. 46–47.

в дом генерал-губернатора; 3) вручил 19 января деньги губернатору.

Затем сенатор «довел до признания» купца Я. Грибанова и чиновника Иванова. Первый сознался, что: 1) просил Кагнова о ходатайстве по его делу, но «на расходы противозаконные его не разрешал», 2) «действительно был под сильным покровительством Генерал-Губернатора в отношении судного над ним дела, но приписывает то единому чувству Миницкого, что будто бы он – Грибанов – вовлечен в тяжкий ответ покорностью, с коей согласился по его совету на перемену почитаемого дурным, но уже принятого от него провианта»; 3) делал со времени возникновения его «дела» регулярные «пожертвования» продуктами и фуражом в дом генерал-губернатора. Второй сознался, что: 1) ежегодно получал для себя и генерал-губернатора деньги и продукты; 2) дал Кагнову недостающие 1300 р. для взятки губернатору; 3) когда Кагнов повез губернатору 12 тыс. р., то в тот же вечер доложил об этом генерал-губернатору. Однако, как замечал сенатор, С.И. Миницкий в данных ему 20 марта «объяснениях» все отрицал, заявляя, что не знал ни о деньгах и продуктах, которые брал для него Иванов, ни о взятке²³.

В заключение записки А.Д. Гурьев отмечал, что «для придания вящей ясности излагаемого мною дела» специально не упоминал о Шамарине: «Чиновник сей не встретил сделанных на него показаний, подобно прочим, мною допрошенных, с должною искренностью. Кагнов уверяет, что по поводу его занятий и занимаемого Шамариным места Правителя канцелярии с 1820 по 1824 г., одновременно подарил ему 3500 руб., что с сего года влияние его при нынешнем Генерал-Губернаторе до такой степени усилилось, что Кагнов считал себя в необходимости платить ему, по договору лично с ним сделанному, по 4 тыс. руб. в год, что и исполнял до нынешнего времени», что однажды (и это подтвердили Грибанов и Иванов)

Шамарин говорил, что «хочет выгнать еврея, если тот не даст ему еще 5 тыс. руб.», и он заплатил. Кроме этого, в ходе следствия выяснилось, что Кагнов ежегодно безденежно поставлял в дом Шамарина разные продукты и материалы, а также бесплатно пристроил к его дому «службы». Однако Шамарин, писал сенатор, все возведенные Кагновым на него обвинения «решительно опроверг». Но купец Грибанов тогда показал, что, когда Миницкий решил его дело представить в Сенат, он «почел в сем случае нужным искать покровительства у Шамарина и просил его помощи, и когда получил обещание, что все будет сделано, дал ему жемчугу на 1 тыс. руб., и обещал, смотря по ходу дела, дать ему еще 1 тысячу. Шамарин же показал, что жемчуг от Грибанова не получал». По всем этим обстоятельствам, писал сенатор, «были даны очные ставки, при которых все без изъятия решительно подтвердили прежние свои показания. Сплетение толиких незаконных действий представляют в ясном свете свойства лиц в оных участвовавших, и предлагают достаточными причины с большей вероятностью предугадывать, что по управлению г. Миницкого дух интриги и корыстолюбия распространились и на многие другие предметы. Тесная связь Иванова с Шамариным хотя подавала мне надежду распространить розыски мои далее, но Иванов, являясь с начала в показаниях своих с некоторою искренностью, под конец ограничил их выше объясненным и далее упорно настаивал в уверении (которая допущена быть не может), что не участвовал ни в каком более злоупотреблении, и что дела Шамарина ему вовсе неизвестны»²⁴.

Результаты ревизии. Николай I распорядился рассмотреть рапорт и записку А.Д. Гурьева Комитету министров. В заседаниях 5 и 29 апреля 1830 года Комитет постановил: 1) правителя канцелярии генерал-губернатора чиновника 7 класса Шамарина и числящегося при Конторе Главного командира Архангельского порта чиновника

²³РГИА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 12.

²⁴Там же. Д. 13.

9 класса Иванова, «обвиненных в преступлении должности и лихоимстве», а также еврея Кагнова, «сознавшегося в подкупе гражданского губернатора и в других противозаконных поступках», предать суду Санкт-Петербургской уголовной палаты; 2) «ежели бы по производству дела о Шамарине, Иванове и Кагнове открылась бы надобность требовать от бывшего архангельского генерал-губернатора вице-адмирала Миницкого²⁵ объяснений и он привлекался бы к ответу, то Уголовной палате предписать, дабы она, отделив все то, что будет отнесено лично к Миницкому, представила на рассмотрение в Правительствующий Сенат»²⁶.

30 апреля 1830 года Николай I утвердил для проведения общей сенаторской ревизии Архангельской и Вологодской губерний сенаторов А.Д. Корнилова и В.Ф. Мертенса, приказав начать ее с Вологодской губернии²⁷. Сенаторы прибыли в Архангельск только 25 января 1831 года, но почему-то, как сообщал 13 марта А.Х. Бенкендорфу жандармский подполковник Кокушкин²⁸, сославшись на занятость делами по Вологодской губернии, они отложили ревизию губернских присутственных мест, но при этом взяли в производство одно дело –

«о разногласиях между генерал-губернатором Миницким и губернатором Филимоновым»²⁹. Сенаторы стали опрашивать членов Архангельского губернского правления и лишь 9 марта обратились с вопросами к губернатору В.С. Филимонову. Ответ губернатора был весьма невыдержанным по тону: в частности, он писал, что все свои «объяснения» по этому делу он уже дал сенатору А.Д. Гурьеву и «дело это им уже разрешено», но если еще требуются его «пояснения и пополнения», то он «для исполнения законных приказаний» сенаторов готов представить требуемое, несмотря на его «служебные заботы». Сенаторы посчитали себя оскорбленными и просили в поданном царю 14 марта рапорте удалить В.С. Филимонова на время ревизии из губернии. На защиту губернатора встал военный губернатор Р.Р. Галл³⁰. В своем рапорте Николаю I от 13 марта он просил прекратить ревизию, полагая, что производимое вновь прибывшими сенаторами расследование «уничтожает следствие гр. Гурьева, от чего доверие к нему и губернатору колеблется». 24 марта Николай I отдал распоряжение прекратить ревизию³¹. Думаем, что главную роль в принятии этого решения сыграли, как считал и С.М. Середонин, не только

---

²⁵ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 748. Л. 99. Высочайшим рескриптом от 18 апреля 1830 года генерал-губернатор Миницкий был отрешен от должности. Его действия «по вверенному ему управлению» были найдены «не только слабыми, но званию его предосудительными и пользе службы не соответственными».

²⁶Там же. Д. 331. Л. 191–195. РГИА. Ф. 1405. Оп. 28. Д. 2514.

²⁷РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5420. Л. 1–8; Д. 5841. Л. 4. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 716. Л. 1. Заметим, что вопрос о назначении общей сенаторской ревизии Архангельской и Вологодской губерний рассматривался в правительстве еще до назначения А.Д. Гурьева. На эту ревизию предложено было послать сенаторов А.М. Корнилова и В.К. Безродного, но Николай I приказал вместо Безродного «поставить гр. Гурьева, коему сверх того дано особое поручение по г. Архангельску». Однако дело было отложено, и как мы думаем, по несогласию с назначением общей ревизии министра юстиции Д.В. Дашкова, который считал, что «проведенное расследование гр. Гурьева привело к уничтожению главной причины возникших там неурядиц – ссоре генерал-губернатора и губернатора». И все же решение о назначении общей ревизии было принято и оформлено указом Сената от 13 мая 1830 года.

²⁸Он был прикомандирован к сенаторам от III отделения С.Е.И.В. канцелярии.

²⁹ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 5. Д. 288. Л. 30.

³⁰ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 707. Л. 1–4; Д. 748. Л. 98–101. Назначен архангельским военным губернатором и управляющим гражданской частью Архангельской губернии рескриптом от 20 апреля, оформленным в указе Сената от 30 апреля 1830 года. Вступил в должность 28 мая 1830 года.

³¹РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5585. Л. 3–6, 13–38, 46–49; Д. 5584. Л. 5. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 5. Д. 288. Л. 21–26, 33–35. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 716. Л. 28.

личные «большие связи» Р.Р. Галла «с высшей военной и придворной средой» и «особенное доверие императора Николая I к генерал-губернаторам и постоянная его забота о поддержании престижа их власти» [1, т. 3, с. 639], но и приговор Санкт-Петербургской уголовной палаты, который накануне – 18 марта 1831 года – утвердил император. Согласно ему, чиновники Шамарин и Иванов «за преступления должности и лихоимство» были лишены дворянского звания, чинов, орденов и приговорены к ссылке на каторжные работы в Сибирь; генерал-губернатор Миницкий уволен со службы; купец Кагнов за «чистосердечное признание» всемилостивейшее прощен. Сообщая Р.Р. Галлу в указе от 7 апреля 1831 года эти решения, Сенат предписал ему предать суду купцов Грибановых, но теперь не только за поставку некачественной муки, но и за лихоимство, наказав особо при этом, чтобы архангельские судебные места «при положении заключений по обоим сим делам не стеснялись прежними своими решениями»³².

Заключение. Рассмотренная в нашей статье ревизия относится к особому типу ревизий-поручений, в ходе которых сенатору «высочайше» приказывалось провести расследование какого-то конкретного случая. Главной причиной назначения ревизии А.Д. Гурьева послужило «чрезвычайное происшествие» – дача взятки архангельскому гражданскому губернатору В.С. Филимонову витебским купцом I гильдии Х. Кагновым. Архангельский, вологодский и олонецкий генерал-губернатор С.И. Миницкий неожиданно встал в этом деле на сторону взяткодателя, обвинив губернатора в своих донесениях императору и правительству во множестве других должностных проступках. Однако в правительстве уже имелась поступившая по разным каналам, но прежде всего из жандармских донесений, информация о «неблагополучии» в управлении архангельского генерал-гу-

бернатора. Пройгнорировать столь очевидно зафиксированное в рапортах преступление без ущерба престижу своей власти Николай I не мог и поэтому прибегнул к известному средству, назначив для расследования этого дела сенатора А.Д. Гурьева. При этом ему были даны доселе не представлявшие ни одному сенатору полномочия, а именно: в случае установления вины губернатора отрешить его от должности, в случае вины генерал-губернатора – отправить его в столицу. Кроме этого, полученная сенатором инструкция позволяла ему при крайней необходимости провести очные ставки между генерал-губернатором и губернатором даже с привлечением прикосновенных к делу нижних чинов и частных лиц. Расследование, проведенное А.Д. Гурьевым, привело к необычному результату: от своих должностей были отрешены и преданы суду чиновники, составлявшие ближайшее окружение генерал-губернатора С.И. Миницкого, а сам генерал-губернатор удален от должности. Через год чиновники Шамарин и Иванов были осуждены за лихоимство, а Миницкий уволен со службы с объявлением ему «строжайшего» выговора «за несоответственные званию поступки». Сенатский указ об этом был «распубликован» по всей империи³³. Подобный случай привлечения к ответственности чиновника, принадлежавшего к высшему эшелону власти Российской империи, в практике первой половины XIX века является уникальным.

Читателю, безусловно, будет интересно узнать, как сложилась дальнейшая судьба основных фигурантов ревизии сенатора А.Д. Гурьева. С.И. Миницкий умер в 1840 году в своем поместье в Симбирской губернии, получая до конца жизни назначенную ему при увольнении со службы пенсию. Губернатор В.С. Филимонов по ложным показаниям членов кружка Н.П. Сунгурова 1 июля 1831 года был арестован в Архангельске и доставлен в Петропавловскую

³²ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 331. Л. 196–201.

³³НАРК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 431. Л. 991–993. Мы нашли данный указ, например, в «указной книге» Олонецкого губернского правления за 1831 год.

крепость, а затем 25 октября этого же года по высочайшему повелению отрешен от должности. Одной из причин отрешения стал неодобрительный отзыв о нем сенаторов А.М. Корнилова и В.Ф. Мертенса. В дальнейшем, несмотря на его непричастность к «делу Сунгурова», он уже не смог восстановиться на службе. Скончался в 1858 году в бедности³⁴. Правитель генерал-губернаторской канцелярии Шамарин так и не попал в Сибирь – он умер 1 июля 1831 года в тюремном лазарете. В Сибирь был сослан лишь Иванов, но и там, по сведениям III отделения С.Е.И.В. канцелярии, он сумел неплохо устроиться: признанный неспособным к каторжным работам по состоянию здоровья, он был оставлен в Тобольске, где стал управляющим при одном из соляных комиссионеров³⁵. Архангельский полицмейстер Ф.И. фон Шене был сначала по приговору Архангельской уголовной палаты в 1830 году оставлен «в сильном подозрении»

и отрешен от должности с предписанием «впредь никуда не определять и к выборам не допускать». Однако по его неоднократным жалобам императору дело было приказано «дополнить» и вновь рассмотреть в Сенате. В результате своим решением от 16 ноября 1832 года Сенат, признав Шене в «лихоимственных поступках» виновным, объявил его свободным от суда с правом служить и дальше. Шене поступил на должность астраханского полицмейстера³⁶. Купец Я. Грибанов по приговору Архангельской уголовной палаты, утвержденному в 1832 году Р.Р. Галлом и Сенатом, за поставку некачественной муки в адмиралтейские магазины был оставлен «в подозрении», а за «лиходательные поступки» хоть и был признан подлежащим «строжайшему по законам наказанию», но, т. к. на момент рассмотрения дела в Архангельской уголовной палате он уже умер, то его поступки были оставлены «без дальнейшего производства»³⁷.

Список литературы

1. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг.: в 5 т. СПб., 1911.
2. Ефимова В.В. Ревизия сенатора Д.О. Баранова как источник по изучению состояния управления в Олонетской губернии в 1-й половине XIX века // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. Сер.: Обществ. и гуманитар. науки. 2008. № 2(93). С. 10–23.
3. Плех О.А. Сенаторские ревизии в северных губерниях России в первой половине XIX в. // Вопр. истории. 2012. № 11. С. 82–96.
4. Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: в 3 т. СПб., 1902. Т. 2. Ч. 1.
5. Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905.
6. Ефимова В.В. Деятельность В.С. Филимонова на посту архангельского губернатора // Вопр. истории. 2014. № 3. С. 70–81.

References

1. *Istoriya Pravitel'stvyuyushchego Senata za dvesti let. 1711–1911 gg.: v 5 t.* [The History of the Governing Senate for Two Hundred Years. 1711–1911: In 5 Vols.]. St. Petersburg, 1911.
2. Efimova V.V. Reviziya senatora D.O. Baranova kak istochnik po izucheniyu sostoyaniya upravleniya v Olonetskoy gubernii v 1-y polovine XIX veka [Senatorial Revision in Olonetskaya Province in the Second Quarter

---

³⁴Смотри подробнее о судьбе В.С. Филимонова: [6].

³⁵ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 5. Д. 34. Л. 54–69.

³⁶ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 748. Л. 58; Ф. 68. Оп. 2 (Т. 2). Д. 273. ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 61. Д. 353. Л. 90. РГИА. Ф. 1345. Оп. 105. Д. 354.

³⁷ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 331. Л. 207–208. РГИА. Ф. 1345. Оп. 105. Д. 332.

of the 19th Century as the Source of Public Administration Historical Research]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, 2008, no. 2 (93), pp. 10–23.

3. Plekh O.A. *Senatorskie revizii v severnykh guberniyakh Rossii v pervoy polovine XIX v.* [Senatorial Inspections in the Northern Provinces of Russia in the First Half of the 19th Century]. *Voprosy istorii*, 2012, no. 11, pp. 82–96.

4. Seredonin S.M. *Istoricheskiy obzor deyatel'nosti Komiteta ministrov: v 3 t.* [Historical Overview of the Work of the Ministers' Committee: In 3 Vols.]. St. Petersburg, 1902. Vol. 2. Part 1.

5. Blinov I.A. *Gubernatory: istoriko-yuridicheskiy ocherk* [Governors: A Historical and Legal Essay]. St. Petersburg, 1905.

6. Efimova V.V. *Deyatel'nost' V.S. Filimonova na postu arkhangel'skogo gubernatora* [The Work of V.S. Filimonov as the Governor of Arkhangelsk]. *Voprosy istorii*, 2014, no. 3, pp. 70–81.

Efimova Viktoriya Viktorovna

Faculty of Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

SENATORIAL INSPECTION CARRIED OUT BY SENATOR ALEXANDER GURYEV IN 1830

Senatorial inspections have always been of particular interest to researchers as they are seen as the most unbiased form of external control over local government institutions. Among all the Russian emperors, Alexander I resorted to senatorial audits most frequently; and it was during his reign that these inspections started to be distinguished by their objectives. The most common type was general inspection, which implied total examination and monitoring of all the local government bodies, both elective and those appointed by the Emperor. Inspections for collection of arrears were also often carried out. Clear instructions outlining senatorial duties and responsibilities for both the procedures were established in 1819 and 1820. There was one more type of senatorial inspections for so-called “other purposes”, with individual instructions explaining the aims of such inspection and senatorial powers being developed for each case. Therefore, each of these third-type inspections is unique and requires special examination. This article deals with one of the third-type senatorial audits carried out in 1830 by Senator Alexander Guryev, authorized to investigate the reasons of the conflict between Stepan Minitsky, the Governor General of Olonets, Vologda and Arkhangelsk Provinces, and Vladimir Filimonov, the Governor of Arkhangelsk. Senator Guryev was able to disclose that Arkhangelsk administrative officials, who were close associates of the Governor General Minitsky, regularly extorted cash and non-cash bribes from merchants in exchange for making them suppliers of Arkhangelsk Admiralty. As a result of the inspection, these officials were found guilty and punished under criminal law, while the Governor General was dismissed.

Keywords: *senatorial inspection, assigned inspection, Guryev's inspection.*

Контактная информация:

адрес: 185910, г. Петрозаводск, ул. Ленина, д. 33;

e-mail: efimova1870@rambler.ru

Рецензент – *Матвеева Т.Д.*, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ